

молодой китайский революционер и литератор наибольшую противоречивость во взглядах великого русского писателя увидел в романе «Бесы» — «крайне резком осуждении революционной молодежи того времени». Противоречивость эта, по мысли критика, проявилась в том, что, мечтая о светлом будущем для своего народа, Достоевский обрушился с клеветой и политическими обвинениями на революционное движение, направленное против мрачной российской действительности. Скатившись на позиции реакционнейшего славянофильства, писатель полностью отрицал все то передовое и прогрессивное, что содержалось в западноевропейской культуре, объявил русских «народом-богосцем», богоизбранным, призванным распространить истину православия во всем мире, впал в мистическую религиозность.

В последующие десятилетия, особенно в 40—50-е годы, китайские исследователи, уже знакомые с ленинским учением о культурном наследии, с достижениями советского литературоведения, смогли более основательно и серьезно оценить все богатство и многообразие творчества Достоевского, более четко разграничить положительное и отрицательное в нем.

Современный китайский литературовед Лу Фань, автор статьи «Достоевский» (1956), признавая противоречивость мировоззрения великого художника-реалиста, видел его неоспоримые достоинства в безграничном сочувствии обездоленным, в ненависти к эксплуататорам, в глубоком художественном осмыслении социальных противоречий современной ему России, в мастерском проникновении во внутреннюю жизнь своих героев. Все это, заключил Лу Фань, «делает наследие Достоевского блестящим вкладом в сокровищницу мировой культуры».

Оуян Вэнь-бинь, автор единственной пока в Китае небольшой книги, целиком посвященной гениальному художнику, — «Достоевский и его произведения» (1956), как бы подытожил все, что написано в Китае о русском классике на протяжении трех с половиной десятилетий. Свою задачу исследователь видел в том, чтобы, проанализировав противоречивость взглядов писателя, критически оценить и усвоить все полезное из его богатейшего наследия и таким образом сделать его подлинным достоянием китай-

ского народа. Выдающееся место Достоевского в истории мировой литературы, непреходящая идейно-эстетическая ценность его произведений обуславливаются, по мнению автора, не только социальной заостренностью их проблематики, но и тем, что «писатель принес с собой новый литературный стиль, новый литературный язык». «Его реалистическая манера письма, — продолжал исследователь, — и огромное по силе эмоционального воздействия художественное мастерство помогают читателям разглядеть правду и возбуждают в них протест против социальной несправедливости».

Как уже сказано, «Зимние заметки о летних впечатлениях» в переводе Мань Тао были последним по времени произведением Достоевского, вышедшем в Пекине в 1962 году. Вступительная статья переводчика к книге тоже оказалась последней китайской работой о русском писателе. Автора статьи привлек разоблачительный пафос «Заметок», та критика, с которой Достоевский обрушивается на капиталистический строй. Но от исследователя не укрылось и то, что бичевание Достоевским язв капитализма, разоблачение лицемерия буржуазной демократии, описание страданий трудящихся ведутся зачастую с позиций славянофильства. Отсюда — замалчивание нарастания революционного движения пролетариата, отрицание неизбежности социальной революции, а с другой стороны, провозглашение — во имя «спасения» русского народа — отказа от борьбы, проповедь религиозного смирения. Мань Тао полагал, что наряду с другими произведениями писателя, давно и хорошо известными в Китае, «Зимние заметки о летних впечатлениях» помогут китайскому читателю глубже разобраться в творческом наследии Достоевского, в истоках его идейных заблуждений.

Распространение произведений и изучение творчества Ф. М. Достоевского в Китае плодотворно продолжались более четырех десятилетий. Но процессы приобщения китайского народа к мировому и национальному классическому наследию, равно как и развитие современной китайской культуры, литературы и искусства, к середине 60-х годов были прерваны.

Политика нынешнего китайского руководства привела к самоизоляции Китая от лучших достижений мировой культуры.

Китайские пословицы и поговорки

*Большая лепешка
рот закрывает.*

*

*Большую ссору
превращай в маленькую,
маленькую — в ничто.*

*

*Бывает
только неправильный путь,
но не бывает
безвыходного положения.*

*

*Два слова:
мир и спокойствие —
стоят
тысячи слитков золота.*

*

*В Поднебесной империи
нет ничего труднее,
чем поеть.*

*

*Когда волков много,
мяса мало.*

*

*Еще и огонь в твоей лампе
не разгорелся,
а ты уже хочешь
спалить небо.*

*

*Жизни — есть предел,
знаниям — нет предела.*

*

*Если крылья коротки —
не летай к солнцу.*

*

*И в вороньем гнезде
рождаются фениксы.*

ТАМ, ГДЕ ПАСУТ БУЙВОЛОВ

ДЭВИД ДЖ. МЭНДЕЛЬБОМ

ПОСЛЕ прокладки дорог через плоскогорье Нилгири в начале XIX века тогда часто становились жертвами занесенных чужеземцами болезней, и численность населения стала резко сокращаться. К 1941 году их осталось всего 630 человек. От полного вымирания племя было спасено благодаря счастливой случайности: известный антрополог Питер, принц датский и греческий, приехавший в Нилгири изучать жизнь тогда, решил предотвратить угасание племени и обратился к муниципальным властям штата Мадрас с просьбой выделить для тогда и трех других племен Нилгири передвижную амбулаторию. А один из клубов в Утакамунде отпустил денежные средства на содержание палаты для тогда в местной больнице.

Результаты не заставили себя долго ждать. Если раньше почти половина детей не доживала и до годовалого возраста, то начиная с 1963 года детская смертность пошла на убыль. Болезни, в прошлом смертельные, не представляют теперь опасности для жизни тогда.

Большую роль в организации медицинского обслуживания племени сыграла Ивам Пилджайн —

одна из немногих женщин тогда, получивших образование. С детства мечтала Ивам стать медсестрой. После первоначальной практической подготовки в больнице ей удалось продолжить свое образование в Англии. Через некоторое время она получила от своего друга письмо, к которому была приложена копия доклада Питера о вымирании племени тогда. Новость ошеломила ее. Не колеблясь, она покинула Лондон и поехала домой.

Там уже действовала передвижная амбулатория, но в ней не было вакансии медицинской сестры. Тогда Ивам стала добровольной ассистенткой врача и работала бесплатно в течение полутора лет. Однажды на митинге в Мадрасе она заговорила с премьер-министром Индии, ныне покойным Джавахарлалом Неру, и рассказала ему о том, что последовала его призыву «работать в сельской местности», обращенному к получившей образование молодежи, но что ее труд никак не оплачивается. Вскоре Ивам Пилджайн назначили старшей медсестрой амбулатории.

Премьер-министр не забыл медсестру из племени тогда. Несколько лет спустя, когда Неру приехал во время своего отпуска в Нилгири, он пожелал еще раз увидеть Ивам. Расспросив ее о жизни тогда, он задал вопрос: как она относится к брачным обычаям племени, к бытующему до сих пор у тогда мно-

гомужеству. «Никак», — ответила Ивам. «Почему никак?» — удивился премьер-министр. «Потому что они открыто делают то, что так называемые цивилизованные народы делают тайно. Они поступают более честно», — сказала Ивам. Неру немного подумал, потом улыбнулся и, не сказав ни слова, пожал ей руку.

Поначалу тогда недоверчиво относились к медицине, надеясь спастись от болезней при помощи амулетов, чар и лекарственных трав. Все изменилось, когда тяжело заболела двоюродная сестра Ивам, которая вот-вот должна была родить ребенка. Ивам немедленно отправила ее в больницу, и, когда сестре нужно было сделать переливание крови, Ивам отдала свою кровь. Ночью к дому медсестры пришел муж больной, возмущенный тем, что она увезла его жену. В ярости он начал бить оконные стекла и потребовал вернуть ему жену: если ей суждено умереть, пусть умрет достойной смертью в родном доме. Ивам отказалась выполнить его требование, и разъяренный муж вынужден был убраться восвояси. Однако через несколько часов ей пришлось самой отправиться к нему, так как докторам срочно требовалось согласие мужа на операцию больной. Ивам пошла через лес, с трудом отыскивая в темноте знакомую тропинку. Тогда считают, что в ночном лесу путника подстерегает множество опасностей — как звери, так и сверхъестественные существа, поэтому смелость и решимость Ивам настолько поразили мужа роженицы, что он дал свое согласие на операцию. Наутро, когда он увидел жену и новорожденного сына, он на радостях оповестил все племя о том, что Ивам спасла жизнь двум тогда, отдав им свою кровь.

Теперь, когда в селение тогда приезжает передвижная амбулатория, к ней со всех сторон стекаются люди. Соплеменники так уважают Ивам, что старейшины нередко приглашают ее на свой совет, когда необходимо разрешить какой-нибудь особенно сложный вопрос. А однажды Ивам побывала в храме, куда до нее не ступала нога ни одной из женщин тогда: старейшинам срочно потребовалась помощь медсестры, когда один из мужчин упал без сознания в стенах святилища.

Нарушение былой взаимозависимости племен Нилгири отразилось на племени кота в значи-

Сокращенный перевод главы из книги «Исчезающие народы мира», издание «Национального географического общества» (США). Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 10 за 1971 год.

тельно большей степени, чем на тода. Кота уже не могут обеспечить свое существование, участвуя в качестве музыкантов в различных обрядах. Некоторые коты все еще живут за счет производства разнообразных музыкальных инструментов, но большинство либо отправляется на поиски работы вдали от родных мест, либо выращивает картофель, появившийся у них сравнительно недавно. Однако надо сказать, что коты все же стремятся сохранить как можно больше старых обычаев, несмотря на происшедшие в их жизни изменения. Так, например, коты по-прежнему придают чрезвычайно большое значение похоронным обрядам. Церемония прощания с умершим состоит из двух частей: так называемых зеленого и сухого обрядов. Во время «зеленого» обряда, когда утрата «еще свежа, как зеленое дерево», коты сжигают тело покойника. А во время «сухого» вспоминают всех умерших за прошлый год, выражая свое уважение к усопшим заключительной траурной церемонией и сжиганием черепных костей, оставшихся от прежних обрядов. Все коты, кроме жрецов, которые не должны осквернять себя общением с простыми людьми, принимают участие в этой церемонии.

Один из немногих коты, получивших образование, стал учителем и решил посвятить себя защите интересов своего племени и улучшению условий его существования. Сулли, так звали учителя, пришлось долго спорить со своими соплеменниками, прежде чем ему удалось убедить их отказаться от некоторых обычаев, которые унижали коты в глазах соседних племен. Так, например, коты больше не питаются мясом павших животных.

Многие молодые люди теперь по примеру Сулли отправились в город, чтобы получить образование и профессию. В то же время они по-прежнему придерживаются своей традиционной религии, говорят на языке коты, и нередко все еще совершают обряды, дошедшие до наших дней из глубины веков.

И тогда и коты решают проблемы, которые неизбежно встают в наше время перед многими мелкими племенами во всех странах мира: они стремятся сохранить свою индивидуальность, не раствориться бесследно в иной культуре.

Перевела
Н. Мамонтова

Стамбульская улица

СТРОИНЫЕ минареты мечетей вырисовываются в небе, как огромные свечи; монумент Ататюрка, историческая колонна Константина и «змеиная» колонна, массивная Галатская башня и всегда шумный Галатский мост через Золотой Рог — таким остается в памяти Стамбул.

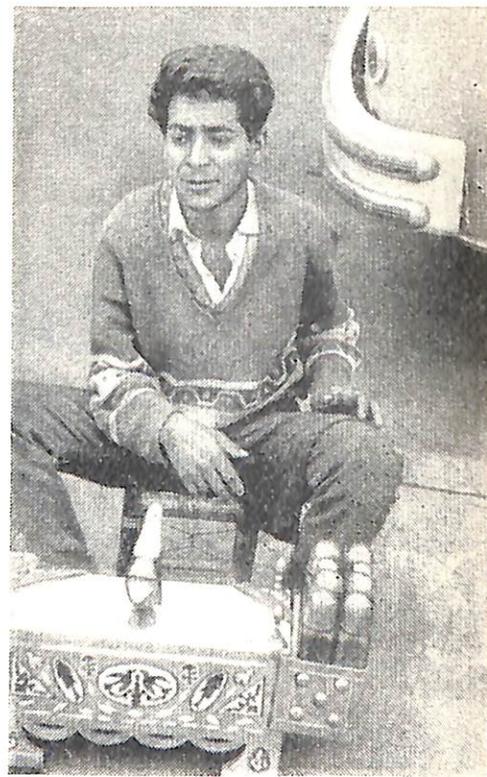
Вспоминается и другое. Мальчишки-разносчики с подносами, уставленными маленькими чашками горячего кофе, черного, густого, душистого — истинно турецкого кофе.

Дымящие жаровни на людных улицах, где торговцы продают горячие каштаны в маленьких кулечках.

Писцы, сидящие за маленькими столиками или на мостовой перед табуретками, за одну-две лиры тут же напишут или напечатают на машинке неграмотному просителю письмо, прошение, жалобу.

Разносчики лимонада с ярко начищенными металлическими кувшинами, укрепленными за спиной; очень широкий кожаный пояс сшит наподобие охотничьего патронташа с несколькими вместительными карманами впереди. В них — стаканы. Лимонад наливается по шлангу, идущему из-за спины. В одной руке — кувшин с чистой водой для мытья стаканов.

Нельзя забыть импозантных чистильщиков обуви, которых очень много в этом

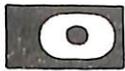

От этого пронизательного взгляда не скроется ни один нечищенный башмак.

Фото автора

большом городе. Чтобы привлечь к себе внимание, они носят довольно яркие одежды, но главное — это красочность их орудий труда. Так, ящик-подставка для ног клиента обит или ярко начищенным металлическим листом, или разноцветной пластмассой. На нем стоят флаконы и коробки с мазями и эмульсиями разных цветов, с броскими этикетками. А у некоторых из чистильщиков в руках и щетки с разноцветными остовами — все это эффектно и, безусловно, рассчитано на привлечение клиентов.

А. ГЛЕБОВ

БЕЗЬЯНА беззаботно прыгает с ветки на ветку, не замечая, что за каждым ее движением внимательно следят. Утомившись, выбирает ветку потолще и садится передохнуть, подставляя морду просачивающимся сквозь густую крону деревьев солнечным лучам. Вдруг сильнейший удар сбивает ее на землю... Через несколько минут животное мертво.

Этого момента с нетерпением ждет маленький человек с узким продолговатым лицом. В руке он держит длинную трубу из бамбука. Рядом валяется колчан, из которого торчат деревянные стрелы с железными наконечниками, покрытыми быстродействующим ядом. Этот человек — представитель примитивного племени пенанов, которое обитает в джунглях Саравака — штата Малайзии, расположенного в северной части острова Суматра.

Пенаны ведут скитальческий образ жизни, кочуя по кишащим хищниками непролазным джунглям. Так жили их родители, родители их родителей... Изменить привычный, выработанный в результате столетий скитальчества образ жизни пенанов — дело невероятной трудности. Сложилась обычай, которые объективно способствуют продолжению ими кочевой жизни в джунглях. Один обычай гласит, что рубить большие деревья — огромный грех. А раз так — пенан не может как следует расчистить площадку и построить себе настоящий дом. Другой обычай велит сжигать умершего вместе с его жилищем и тут же менять место поселения всего семейства. Конечно, пенан не будет строить себе настоящий, большой дом, если он знает, что каждый день кто-нибудь из его родичей может умереть и придется переселяться в другое место, подальше от злых духов, витающих вокруг останков скончавшегося пенана. Поверье, делящее птиц на «добрых» и «злых», тоже заставляет пенанов покидать навсегда место очередной стоянки, если поблизости будут замечены птицы из разряда «злых». Пенаны настолько привыкли к жизни в джунглях, что самое непродолжительное пребывание на солнце вызывает у них головные боли и лихорадку. Это, наверное, самое большое препятствие на пути перехода пена-

нов к цивилизованной жизни вне джунглей.

В последнее время пенаны начали вступать в кое-какие контакты с остальным населением Саравака. У них даже выработалась потребность в употреблении соли, табака и некоторых других продуктов. Чтобы

АБОРИГЕНЫ МАЛАЙСКИХ ДЖУНГЛЕЙ

Е. БАЖАНОВ

получить все это, пенаны продают жителям прилегающих к джунглям поселений спальные подстилки, в изготовлении которых они непревзойденные мастера.

Лес — общее достояние пенанов. Однако дома имеют своих хозяев, так же как и немногочисленные орудия труда, которыми пользуются пенаны. Они также разводят домашних животных — обезьян, свиней, птиц. Своих животных пенан никогда не употребляет в пищу, считая, что это равносильно съедению собственных детей. Женщины иногда даже кормят грудью малайских обезьянок и поросят. Мясо же пенаны добывают охотой. Главное оружие пенана — бамбуковая труба. В нее вставляется стрела. Пенан берет трубу двумя руками, изо всей силы дует в нее: стрела под действием струи воздуха вылетает и разит цель. Пенаны способны стрелять подобным образом на расстояние в 20—25 метров.

Пенаны исключительно выносливы. Они проделывают по непролазным джунглям путь в десятки километров в сутки, причем могут свободно передвигаться в джунглях и в самые темные, безлунные ночи, и под проливным дождем.

Аборигены почти не совершают преступлений, а если такое все-таки случится, наказание, как правило, заключается в том, что провинившийся должен выплатить пострадавшей стороне штраф в виде стрелы или спальной подстилки.

Жену пенан выбирает обычно из соседнего поселения и никогда — из своего. Когда подходящая невеста найдена, жених направляется к ней в сопровождении друзей. Если невеста согласна вступить в брак, друзья жениха начинают торг относительно свадебного подарка со стороны родных невесты. Самое большее, на что они могут рассчитывать, — нож или бамбуковая труба для охоты. После свадьбы жена переезжает в селение мужа и становится членом семьи его отца. Во время беременности женщину помещают в отдельную хижину. Ребенка чаще всего принимает сам отец. Период рождения ребенка считается опасным. Поэтому все члены семьи, где родился ребенок, сидят в доме целый месяц после его рождения, никуда не выходя. Матери новорожденного в течение нескольких месяцев запрещается есть мясо, некоторую растительную пищу. Добрые половые отношения у пенанов — укоренившееся явление. С точки зрения пенанов, это позволяет юноше и девушке определить, подходят они друг другу или нет.

Пенанам не нужно заранее планировать свою жизнь, и им почти не приходится прибегать к услугам арифметики. Пенану трудно ответить на вопрос, что он собирается делать завтра. Он не знает и знать не хочет. Пенан не может запомнить даже, сколько у него детей, и вынужден считать их на пальцах. Все это не значит, что пенаны — племя, безнадежно потерянное для цивилизации. Некоторое количество пенанов было обращено в ислам и перешло к оседлой жизни в малайских деревнях. Ни умственно, ни физически оседлые пенаны не отличаются от своих малайских сограждан, проявляя способности к учебе и сноровку в работе.